

Департамент образования и науки города Москвы

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

«ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ»: ПИЩА И ТРАДИЦИИ ТРАПЕЗЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА



Сборник научных статей по материалам
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Департамент образования и науки города Москвы

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

«ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ»: ПИЦЦА И ТРАДИЦИИ ТРАПЕЗЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Сборник научных статей по материалам
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Москва
2025

УДК 930.008
ББК 63.5
Х 55

Редакционная коллегия:

Кандидат искусствоведения, доцент *Д.П. Шульгина*;
Кандидат исторических наук, доцент *О.А. Огородникова*;
Кандидат исторических наук *А.А. Емельянова*

Рецензенты:

В.М. Сторчак,

доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

О.А. Сухорукова,

кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета

Х 55 «Хлеб наш насущный»: пища и традиции трапезы в истории человечества: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. О.А. Огородникова. – М.: Ярославль-Москва: Канцлер, 2025. – 394 с.

ISBN 978-5-908075-00-8

В сборник вошли статьи по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием ««Хлеб наш насущный»: пища и традиции трапезы в истории человечества», состоявшейся в Московском городском педагогическом университете 11 апреля 2025 года. Издание адресовано историкам, культурологам, филологам и представителям других научных дисциплин, а также всем интересующимся историей повседневности.

Материалы представлены в авторской редакции.

**УДК 930.008
ББК 63.5**

ISBN 978-5-908075-00-8

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От составителей	7
Раздел I. ПИЩА И КУЛЬТУРА ТРАПЕЗЫ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	9
<i>Гвоздева Т.Б.</i>	
Спортивная диета атлетов Древней Греции	9
<i>Миролюбов И.А.</i>	
Пиры римского императора Пертинакса как политическая декларация и объект критики	20
<i>Ртищева Г.А.</i>	
Питание в норманнской Сицилии. К истории одного продукта ...	28
<i>Щербакова Т.В.</i>	
Голландский и фламандский натюрморт и гастрономическая культура в Западной Европе в XVII веке	38
<i>Павлов К.В.</i>	
Итальянские войны, хлеб и рыба: продовольствие и политика в противостоянии Флоренции и Пизы (1494–1509)	50
Раздел II. «ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ» В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	64
<i>Плате А.</i>	
«А по скольку чего на человека варить в день, ...»: лечебное питание в екатеринбургском госпитале (1720–1750 гг.)	64
<i>Тарасенко Т.В.</i>	
Хлеб и представления о нем в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии (1594–1893 гг.)» А.И. Кытманова	73
<i>Емельянова А.А., Кокарева О.В.</i>	
К истории постного стола в России XIX в.: продукты из «Постной поваренной книги» 1829 г.	83

10. *Vergara A. El Arte de Clara Peeters. Madrid y Amberes. Museo Nacional del Prado. Koninklijk Museum voor Schone Kunsten, 2016. Pp. 96–99.*
11. *Zurück zum Suchergebnis. Gemäldegalerie Alte Meister. 1656. Bray, Joseph de // Официальный сайт Картинной галереи Старых мастеров (Gemäldegalerie Alte Meister). Дрезден. URL: <https://skd-online-collection.skd.museum/Details/Index/240343> (дата обращения: 07.05.2025).*

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ, ХЛЕБ И РЫБА: ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И ПОЛИТИКА В ПРОТИВОСТОЯНИИ ФЛОРЕНЦИИ И ПИЗЫ (1494–1509)

Павлов К.В.,

*аспирант, Институт истории СПбГУ, г. Санкт-Петербург,
e-mail: Kir2014Sch603@gmail.com*

Аннотация. Классическая политическая история противостояния Флоренции и Пизы (1494–1509 гг.) в ходе Итальянских войн 149–1559 гг. рассмотрена относительно подробно. В данном исследовании рассмотрено влияние менее изученного флорентийско-пизанского конфликта – фактора продовольственного обеспечения – в контексте его зарождения, развития и итогов. Предметный акцент был сделан на двух традиционных продуктах потребления: хлебе и рыбе, в отношении каковых, как продемонстрировано в исследовании, взаимозависимость Флоренции и Пизы существовала в различной степени.

Ключевые слова: Флоренция; Пиза; Итальянские войны; хлеб; рыба.

ITALIAN WARS, BREAD AND FISH: FOOD SUPPLIES AND POLICY IN THE FLORENTINE-PISAN CONFLICT (1494-1509)

Pavlov K.V.,

*Postgraduate Student, Institute of History,
St. Petersburg University, St. Petersburg,
e-mail: Kir2014Sch603@gmail.com*

Abstract. The classical political history of the confrontation between Florence and Pisa (1494–1509) during the Italian Wars of 1494–1559 has been examined in relative detail. This study examined the impact of a less-known factor of the

Florence-Pisa conflict, the food supplies factor, in the context of its genesis, development, and outcome. The study focuses on two traditional foodstuffs: bread and fish, for which the study demonstrates that Florence and Pisa were interdependent to varying degrees.

Keywords: Florence; Pisa; Italian Wars; bread; fish.

Говоря о продовольственном факторе в локальном конфликте двух городов-государств Тосканы – Флоренции и Пизы – в ходе Итальянских войн 1494–1559 гг., следует иметь в виду, прежде всего, два фактора. Первый фактор – это глобальное значение самих войн на Апеннинах на рынок продовольственной торговли в Италии и Европе Раннего Нового времени. С этой точки зрения, начало Итальянских войн явилось линией разрыва в традиционных внутриитальянских торговых практиках вообще, но в особенности – в продовольственных торговых потоках. Как отмечает американский историк Р. Голдуэйт, Италия эпохи Возрождения с экономической точки зрения стремилась поддерживать в полной мере традиционные пути отправления товаров потребления, унаследованные от античности [13, р. 30–31]. В этом отношении, Юг Италии – Неаполь и Сицилия – были, с одной стороны, сами по себе традиционной римской агрокультурной площадкой (прежде всего по культивации пшеницы), с другой – перевалочными пунктами на широких торговых маршрутах средиземноморской торговли, проходивших через Италию на Ближний Восток и в Северную Африку и наоборот [13, р. 31]. Занятие французами в первой итальянской кампании 1494–1495 гг. центра экономической жизни Южной Италии – Неаполя, и продолжение активных военных действий на южно-итальянских землях привело к разложению действовавших более тысячи лет торговых путей, и необходимости искать им внутреннюю альтернативу.

Второй фактор – это устоявшееся положение обеих сторон тосканского противостояния внутри этого рынка. Стартовая фаза войн – вторжение Франции в переживавшее отложение престола от Арагонского дома королевство Неаполь под предлогом реставрации так называемого «анжуйского наследия» [6, с. 88–91] – не могла не оказать влияния на политическую судьбу Флоренции – крупнейшего городогосударства Центральной Италии. Описание этого влияния мы находим в «Истории Флоренции» Франческо Гвиччардини [6] – флорентийского дипломата, мыслителя и фундаментального биографа эпохи Итальянских войн. Гвиччардини констатирует, что находившийся у власти в тосканском городе Пьеро II Медичи (1492–1494), наследник Лоренцо

Великолепного, неожиданно для большинства флорентинцев в условиях вторжения Франции в Неаполь выразил поддержку Испании и ее арагонскому дому на Юге Италии [6, с. 88–91]. Традиционная опора Флоренции на Францию в европейской дипломатии, сохранявшаяся на всем протяжении правления дома Медичи в республике (1434–1494 гг.), тем самым была разрушена [6, с. 91]. Франция же на фоне ведения военных действий в Южной Италии, с целью установить контроль над европейской экономикой в региональных сетях одного моря – Средиземного, была внезапно поставлена перед фактом отложения из-под своего контроля регионального пространства другого моря – Лигурского. По свидетельству миланского гуманиста и историка эпохи Итальянских войн Бернардино Корио, приводимому им в «Истории Милана», король Франции Карл VIII в 1494–1495 гг. столкнулся с актом неповиновения от своего традиционного подвассального союзника в Италии – Генуи, крупнейшей торговой силы на Лигурском море. Мятеж генуэзцев против Франции в конечном итоге провалился: «Пылкая лига между итальянскими властителями давала много поводов о беспокойстве Карлу VIII, гораздо больше после того, как он узнал о трудностях, в которые он вliил герцога Орлеанского за подкрепление, полученное Сансервино, которое заставило его покинуть наступление, чтобы ограничиться защитой в Новаре. Неудавшееся предприятие Генуи оказалось немалое влияние на то, чтобы показать королю Франции, что его слава закатилась, и он обнаружил, что подвергся опасным последствиям, которые были неизбежны для маршрута, затронутого небольшим французским флотом в водах Рапалло» [7, р. 663]. Однако далеко идущим последствием за собой, генуэзский мятеж оставил еще одно выступление локальной итальянской территории – на сей раз против локального же внутритальянского верховенства.

В ноябре 1494 г. Пиза, вдохновившаяся времененным успехом Генуи в отложении из-под власти французов, сумела осуществить мятеж против Флоренции, владение которой над пизанской территорией, установленное в 1406 г., продолжалось в течение почти века [5, с. 72–75]. Успех пизанского мятежа привел и к изгнанию из Флоренции Пьero II и вместе с ним дома Медичи [5, с. 72–73]. Как свидетельствуют, по меньшей мере, три флорентийских дипломата и историка эпохи Итальянских войн, – Никколо Макиавелли [16, р. 424], Бьяджо Буонакорси [10, р. 1] и Франческо Гвиччардини [5, с. 93], – мятеж пизанцев против Флоренции поддержала Венеция. У Гвиччардини, правда, здесь

присутствует оговорка в отношении визита пизанцев в сенат Венеции: «...Но, хотя их приняли благосклонно, никаких обещаний не было дано» [5, с. 93]. Подобную реакцию республики Св. Марка на внутриитальянское событие локального тосканского характера можно легко объяснить, если иметь в виду, что Венеция оказалась заинтересована в создании в Пизе некоего «приморского буфера» под своим верховенством в Центральной Италии в условиях, когда средиземноморские каналы морской торговли, столь активно использовавшиеся венецианцами на протяжении нескольких веков [12, р. 24–30], оказались теперь под военным контролем Франции. Однако мятежные пизанцы стали вести своего рода «двойную игру» против Флоренции и Венеции одновременно, надеясь найти расположение кого-либо из европейских держав-гегемонов (не только Франции, но и Испании или Империи Габсбургов) с целью получить в условиях итальянского конфликта военно-дипломатическую протекцию надитальянского уровня. В то же время – не отказываясь и от косвенных мер венецианской поддержки [10, р. 1], особенно имея в виду необходимость непосредственного военного противостояния Флоренции, конфликт с которой растянулся на 15 лет (1494–1509 гг.).

Как обратил внимание британский историк Дж. Наджеми, этапы флорентийско-пизанского конфликта имели различную форму и интенсивность, обуславливавшуюся преимущественно изменениями внутри самой флорентийской политики. В период правления тосканской республикой одиозного монаха Джироламо Савонаролы (1494–1498 гг.), придерживавшегося строгого про-французской дипломатической линии, «пизанский вопрос» политики Флоренции пытались разрешить посредством переговорных миссий с Францией [15, р. 397], тогда как военные кампании против Пизы флорентинцами не осуществлялись. Напротив, на следующем этапе политического развития Флорентийской республики в Итальянских войнах – в период правления городом «пожизненного гонфalonьера» Пьero Содерини – против Пизы было предпринято несколько военных кампаний, заключительная из которых – в 1509 г. – привела к реставрации власти Флоренции над своим владением [15, р. 407–413].

В контексте темы данного исследования, исходя из вышеуказанных обстоятельств, необходимо рассмотреть следующий вопрос: чем была столь принципиальна сравнительно небольшая территория Пизы для Флоренции, одного из крупнейших городов-государств

Италии, что в течение пятнадцати лет об отступлении от идеи ее возврата не могло идти речи.

Рассуждая об исторических владениях Флорентийской республики в Центральной Италии за пределами контадо города Флоренция, мы действительно не ошибемся, если назовем Пизу сравнительно небольшим из них. Историческая территория Пизы, условно взятая сама по себе на период XII–XIII вв., по оценкам знаменитого американского медиевиста Д. Херлихи, была значительно меньше исторической территории Флоренции (также условно взятой сама по себе) [14, р. 24]. А граница между тосканскими республиками какое-то время проходила по лесным угодьям, ввиду чего, например, в 1270 г. даже пришлось составлять специальный экспортный договор для пизанцев на флорентийскую древесину [14, р. 24]. Пизанская территория была, разве что, немногим больше, чем площадь Лукки [14, р. 21–23], представлявшей собой традиционный барьер флорентийско-неаполитанского порубежья XV столетия [3, с. 192]. Что важно отметить для структурного понимания процессов территориальных изменений в Тоскане, лежавших в основании флорентийско-пизанского конфликта: в период наивысшего могущества Пизы – в XII–XIII вв. – те земли, которые впоследствии определяли рубежи Флоренции, то или иное время находились именно под пизанским протекторатом [14, р. 22–23]. Вместе с тем, Пиза была равноудалена как от самой Флоренции, так и от других ее рубежных владений. Итальянский порт на реке Арно, Пиза (Порто-Пизано) находилась всего в нескольких километрах от Лигурского моря [14, р. 99]. Подобное расположение пизанского порта обеспечивало для Флоренции прямую экономическую коммуникацию в акватории этого моря и торговых путей, через него проходивших. Это и знаменитая левантанская торговля, традиционно, в придачу к восходившей к архайке торговле пшеницей с Сицилией, обеспечивавшая тосканской республике зерновые запасы [13, р. 118]. Это и торговля Флоренции с другими портами Лигурского моря, прежде всего – с примыкавшей к Тоскане Сарзаной [13, р. 15]. За право вести торговлю с Сарзаной, по упоминанию Никколо Макиавелли в «Истории Флоренции», его республике, что характерно, в первой половине XV в. также приходилось осуществлять локальные военные кампании [3, с. 193]. Наконец, это практически вся рыбная торговля Флоренции, осуществлявшаяся по четко отлаженному маршруту: Порто-Пизано – Ливорно – Синья – Флоренция [11, р. 47]. Саму же Флоренцию, по любопытному

замечанию Р. Голдуэйта, отличала «ограниченность земель для выращивания зерновых, необходимых для жизни» [13, р. 530]: причиной тому была высокая доля полей, «засушливых и имеющих верхний слой почвы небольшой глубины» [13, р. 529], переориентированных на дорожно-коммуникационные нужды торговли, пролегавшей по выше перечисленным маршрутам.

При этом обратим внимание на контраст продуктов потребления, получаемых Флоренцией из Пизы: пшеницы и рыбы. Пшеница, как продукт международной торговли из Порто-Пизано по левантским и сицилийским каналам [13, р. 30–31], удовлетворяла потребительские нужды бедных флорентийских масс (пополанства, или «тощего люда») в изготовлении хлеба [11, р. 24–25]. В Порто-Пизано «отгружалась» львиная доля хлеба, который попадал на стол к пополанам во Флоренции. Следует иметь в виду базовую потребительскую корзину таковых, состоявшую из четырех пунктов: в нее входили вино, хлеб, уксус и сыр [11, р. 24–25; р. 26–31; р. 42–45; р. 45–47].

Виноделие, по мнению итальянского историка Э. Фальди, более или менее процветало во всех флорентийских владениях [11, р. 45], а сыроделие, в том числе, и в самой Флоренции [11, р. 42–45]. Что касается уксуса, то технология его изготовления из вина, разумеется, была для итальянцев любого региона исторически традиционной [11, р. 45]. Однако при наличии трех пунктов из четырех в традиционной потребительской корзине флорентийского пополанства, которые Флоренция была бы в состоянии обеспечить и без владения Пизы, необходимо все же иметь в виду исключительную ценность четвертого пункта в таковой, обеспечивавшегося именно Пизой: хлеба.

В общественной и политической культуре Флоренции эпохи Возрождения, тяготевшей к разнообразным обозначениям преемственности с Римом [15, pp. 152, 192, 198, 212, 437] и Афинами [15, pp. 192, 214, 342], хлеб являлся маркером наличия благополучия, а его отсутствие – двигателем социальных аномий. Так, в «Истории Флоренции» Макиавелли приводится интересный эпизод в описании флорентийской эпидемии чумы 1340-х гг., связанный с провалившимся устремлением политического клана Строцци использовать «хлебную карту» для организации бунта в республике: «Когда все это происходило, в городе наступила великкая нехватка продовольственных припасов, так что недовольными были и гранды и мелкий люд: одни – потому что стали голодать, другие – потому что лишились власти и достоинства.

Это положение вдохнуло в мессера Андреа Строцци мысль отнять у города его свободу. Он начал продавать свое зерно дешевле, чем другие, что привлекло к нему большое количество покупателей. И вот как-то утром он дерзнул выехать со своего двора верхом на коне в сопровождении кое-кого из тех, кто приходил к нему, и призывать народ к оружию» [3, с. 100].

Еще один пример влияния хлебного фактора на картину политической жизни Флоренции, засвидетельствован в 1419 г. хронистом XV в. Бонаккорсо Питти и описан им менее блестящим литературным стилем, нежели последующий макиавеллевский. Однако он включен автором в реалии жизни Флоренции не в форме официального нарратива, а в городской хронике: «В это время я был подестой Монте Пульчано, и так случилось, что я приговорил Андреа ди Салимбене дельи Скотти из Сиены, имевшего землю от Монте Пульчано, к уплате 600 флоринов за зерно, которое он вывез, что было запрещено законами и статутами коммуны Монте Пульчано. Дал я ему двадцать дней срока для уплаты, согласно статуту, и отпустил его под залог» [1, с. 166]. Имея в виду, что Сиена – это, как и Флоренция, город-государство в Тоскане, мы получаем картину, в которой внутреннее обеспечение флорентийских коммун зерном (а, следовательно, и хлебом) регламентировалось достаточно жестко: непозволительной спекуляцией считался вывоз зерна на торговлю с соседним городом. Воспроизведенный Макиавелли эпизод относится к эпохе эпидемии чумы [3, с. 100], эпизод же, упомянутый Питти, – к реалиям, определенным образом, соотносимым с периодом противостояния Флоренции и Пизы 1494–1509 гг.: эпохе напряженности в отношениях Флоренции с Неаполем в первой трети XV столетия [1, с. 166].

Имея в виду торговую активность Флоренции как экономического локомотива Италии эпохи Возрождения, развивавшего связи с Европой, Ближним Востоком, Африкой и даже Новым Светом [8, 13], было бы логично попытаться нарисовать образ флорентинца XVI столетия, обыденно потреблявшего вместе с пшеничной мукой рисовую и кукурузную. Собственно, долгое время историки Италии эпохи Возрождения (итальянец И. дель Бадиа в XIX в. [9], американец Ф. Шевилл в первой половине XX в. [19]) представляли себе потребительскую обыденность жителя Флоренции XV–XVI вв. весьма близкой реалиям наших дней. Однако современный исследователь из Университета Глазго К. Блэк произвел скрупулезную реконструкцию

продуктовой корзины итальянца той эпохи [8, р. 27–31]. Реконструкция Блэка, на примере различных регионов Апеннин, позволит нам развеять сомнение в возможности наличия у флорентинца рубежа XV–XVI вв. подобной «альтернативы» пшеничной муке. Так, рис вообще и рисовая мука, из него воспроизведимая, по упоминанию историка, до конца XVI – начала XVII вв. являлся в Италии монопольным продуктом герцогства Феррара, где появился еще в XV столетии [8, р. 28]. Лишь на рубеже XVI–XVII вв., феррарские торговцы стали продавать рис на внутриитальянском рынке, и уже тогда Флоренция все же стала одним из основных его покупателей [8, р. 28]. Что же касается кукурузы и кукурузной муки, то здесь Блэк указывает даже вероятный год появления данной зерновой культуры в Италии. Так, историк пишет о том, что в 1539 г. в Венецию было завезено так называемое «*gran turco*» – «турецкое зерно». Под этим парадоксальным названием, обусловленным каналом поставки, традиционным для Венеции, и появилась кукуруза в Италии [8, р. 28]. На освоение же торговли кукурузой у венецианцев ушло еще минимум полвека [8, р. 29]. Таким образом, Флоренция в конфликте с Пизой 1494–1509 гг. не могла рассчитывать и на альтернативы пшеничной муке в изготовлении хлеба.

Если говорить о рыбе, также приходившей во Флоренцию в значительной степени из Пизы, то рыба, напротив, традиционно ассоциировалась во Флоренции с гастрономической культурой элиты города. Так, Э. Фальди отмечает упоминание различных рыбных рецептов в отношении знатных флорентийских столов [11, р. 46]. Кроме того, Фальди констатирует, что рыба была важным продуктом для флорентийского духовенства. Здесь традиционная для средневекового общества картина замещения рыбой мяса в пост дополнялась и спецификой флорентийской коммерции, когда духовенство кормилось от конкретных представителей торговой корпорации, в частности от торгового дома Датини, не только осуществлявшего в Пизе закупки, но и имевшего там основную контору [11, р. 72–74]. Соответственно, рыбный рынок Пизы для Флоренции удовлетворял потребности ряда групп общественной элиты – которая, в этой связи, была не меньше пополанства заинтересована в возврате пизанской территории.

Исходя из подобного промежуточного заключения, необходимо теперь попытаться проанализировать влияние продовольственного фактора в противостоянии Флоренции и Пизы 1494–1509 гг. в ходе конфликта на Апеннинах непосредственно на военные кампании сторон.

Первый эпизод флорентийско-пизанской войны, применительно к которому подобное влияние прослеживается по источникам эпохи Итальянских войн, – это кампания, осуществленная в 1499 г. Флоренцией против Пизы. Так, в связи с этой кампанией секретарь флорентийской дипломатии 1498–1512 гг. Никколо Макиавелли, регулярно находившийся при лагере войск тосканской республики в ходе ее реализации, написал свое дебютное примечательное сочинение: трактат «Речь о пизанских делах, произнесенная для Магистрата Десяти» [16]. Так, Макиавелли сразу свидетельствует о существовании для Флоренции перспективы быстро разрешить конфликт с Пизой, при условии выбора тактики измора. Реализацией подобной тактики, по циничному, но справедливому упоминанию флорентийского дипломата, для его республики могло стать блокирование подводов к Пизе судов на вывоз зерна для торговли и, как следствие, порчи хранившихся его запасов [16, р. 424]. По уточнению дипломата, торговые пути по морю для зерна из Пизы (а, следовательно, и вспомоществование со средствами на противостояние пизанцев Флоренции) пролегают преимущественно через Лукку [16, р. 424]. В дальнейшем (при условии отсутствия наложенных альтернативных коммуникаций на продовольственном рынке) подобный шаг, как отмечает Макиавелли, привел бы гражданское население города к выбору между одним из очевидных зол: сдаче флорентинцам или голодной смерти [16, р. 423–424]. Однако зачастую предвзято «демонизируемый» критиками политический разум Макиавелли проявляет в данном вопросе известное благородство, предлагая отказаться от измора как метода разрешения «пизанского вопроса» [16, р. 423–426].

Но голос Макиавелли не был услышан. И уже в 1502 г., после неудачи пизанской кампании 1499 г., связанной со своеволием против интересов Флоренции кондотьера Паоло Вителли [17, р. 1054], тосканская республика предприняла новый поход на Пизу – на сей раз, вопреки пусть и авторитетному, но не исключительному мнению секретаря дипломатии, решив задействовать именно тактику измора. В «Истории Италии» Франческо Гвиччардини упомянуто ключевое обстоятельство, на основании которого Флоренция решила перейти к продовольственной блокаде Пизы – заключение осенью 1502 г. оборонительного союза с Францией [5, с. 316–317]. В определенном смысле, это явилось следствием ревизии подхода Франции к своим обязательствам по проблеме принадлежности Пизы, установившихся для монархии Валуа с начала конфликта на Апеннинах. Так, французский ди-

пломат эпохи войн на Апеннинах Филипп де Коммин в своих «Мемуарах» указывал на то, что Венеция первой из итальянских сил устремилась организовать сопротивление Франции в Южной Италии [2, с. 276] – пресловутую «пылкую лигу между итальянскими властителями» [7, р. 663], о которой упоминал Бернардино Корио. Вместе с тем – Венеция высказала мерой оплаты своего главенствующего участия в Священной лиге 1495 г. стремление занять в случае ее успеха «какиенибудь города Апулии» [2, с. 276]. Это стремление венецианцев оказалось связано с тем, что пизанцы после мятежа 1494 г. не пожелали переходить под непосредственную юрисдикцию Республики Св. Марка, а направили посольство к королю Франции Карлу VIII с просьбой признания законности их отложения из-под флорентийского владения [5, с. 74]. Аналогичным образом (но, естественно, с противоположным намерением) поступили флорентинцы, изгнавшие из республики Пьеро II и вместе с ним правивший дом Медичи [5, с. 96]. Французский монарх не подтвердил пизансскую независимость, но, опасаясь усиления венецианской активности, пожелал остаться в «пизанском вопросе» в роли своеобразного «верховного арбитра»: как над Пизой, так и над Флоренцией [5, с. 96]. Установившийся восемь лет спустя союз явно склонял чашу весов в «вердикте» французского негласного «арбитража» на флорентийскую сторону. Отсюда и возросшая степень уверенности Флоренции в собственном стремлении осуществить кампанию против Пизы любыми средствами, в том числе – и упомянутым Гви-ччардини решением «...разорить запасы хлеба и овса в Пизанском контадо, чтобы голод постепенно привел пизанцев к повиновению, раз этого не удалось добиться силой» [5, с. 317]. Однако и кампания 1502 г. не оказалась для тосканской республики сколько-нибудь успешной именно в отношении Пизы: упрямство мятежников заставляло сопротивляться и суровой продовольственной блокаде сооружением крепостей и поиском «обходных» путей торговых коммуникаций с все той же союзной Луккой [5, с. 396]. Флорентинцам пришлось ограничиться захватом контадо пизанцев – Вико Пизано [5, с. 317]. Взятие пизанского предместья позволило флорентинцам значительно ограничить сухопутную продовольственную торговлю мятежников, однако дальнейшее упрямство Пизы, казалось, не знало границ. Спустя два года, в 1504 г. руководство тосканской республики предприняло, пожалуй, наиболее экстравагантный вариант взятия Пизы. Этот вариант предполагал возможность изменить русло реки Арно с тем, чтобы пизанцы, ввиду сво-

его географического положения в ее устье, оказались заблокированы флорентинцами по воде и принуждены к сдаче города [18, р. 81]. Для воплощения в жизнь данного проекта организации системы каналов по реке Арно, Пьеро Содерини (чьим непосредственным «детищем», как говорили тогда флорентинцы, эта идея и являлась) нанял на службу Леонардо да Винчи, реализовавшего похожий проект в Милане Лодовико Моро [18, р. 82]. Однако даже гений величайшего и всесторонне-го ученого ренессансной эпохи не смог изменить противостоявший не-естественности данного проекта фактор – природные условия. Как свидетельствует коадъютор флорентийской дипломатии Бьянко Буонакорси в своем дневнике, «эпигоны» данной идеи, осознав невоз-можность воплотить ее в жизнь, стали «смешивать» природное пре-пятствие с человеческим фактором. Так, по упоминанию Буонакорси, флорентийское руководство сетовало вместе с мастерами-исполни-телями проекта да Винчи, что работы по нему частично пришли на сезон рыбной ловли: «И поскольку мастера сделали первый ров, кото-рых по их замыслу должно было быть два, они начали делать и запруду, которую не закончили, и причиной этому называли рыбалку.... И хотя магистраты утверждают, что после окончания рыбной ловли все расстройства будет устранены, что Арно будет постоянно проводить воду и сама поднимет свое русло, но на самом деле, как уже было ска-зано, наполняемость воды там не менялась никак иначе, как в резуль-тате половодья. И в зависимости от того, в какую секунду они [воды] уменьшались, в ту же секунду они возвращались обратно» [10, р. 100–101]. Тем самым, флорентийский дипломат констатирует, что руковод-ству тосканской республики не удалось разрешить проблему Пизы и столь неординарным способом, а виновниками сложившейся ситуации назвали простых флорентинцев, осуществлявших сезонный промысел по ловле и продаже рыбы [10, р. 101]: в конфликте Флоренции и Пизы вновь сыграл роль фактор продовольствия, на сей раз – рыбный. Вдо-бавок ко всему, общегенитальянский кризис продовольствия привел к го-лоду во Флоренции в 1505 г., [4, с. 313] что перспектив пизанской кам-пании также не добавляло. Казалось, противоборствующие тосканские республики оказались к концу 1505 г. в состоянии классического шах-матного пата, когда ни одна из сторон не имела ресурсов для дальней-шего обеспечения преимущества в конфликте.

Однако в этой ситуации спустя три года, в конце 1508 г., чрезвы-чайно выигрышным обстоятельством, изменившим эту «ничейную»

партию до установления возможности для флорентийского победного «эндшиля», стала общая трансформация конфликта на Апеннинах ввиду организации Камбрейской лиги. Договор в Камбре установил союз Франции, Испании, Империи Габсбургов и папства – четырех крупнейших дипломатических сил Европы, участвовавших в Итальянских войнах – против Венеции, перешедшей дорогу одновременно им всем [12, р. 8; 12]. Флоренция же воспользовалась вовлеченностью Франции и Империи Габсбургов в совместный проект кампании против Венеции и предоставила им взаимовыгодный вариант: совокупную ссуду Франции и Испании (по справедливому негодованию Гвиччардини, равнозначную подкупу) на сумму в 150 тыс. дукатов, за невмешательство в разгром Пизы [5, с. 477–478]. Получив от обеих европейских держав-гегемонов аморальное принятие подкупа, флорентинцы добили Пизу вторичной продовольственной блокадой – морской, ввиду каковой, по свидетельству Гвиччардини, пизанцы утратили возможность всякого сопротивления: «Эта надежда рассеялась, в Пизу поступало мизерное количество зерна, да и то тайно и с превеликой опасностью для тех, кто его доставлял» [5, с. 500]. Таким образом, уже летом 1509 г. Пиза была возвращена под власть Флоренции. Хвалебное наблюдение творца военной составляющей этого успеха – руководителя флорентийского ополчения по взятию Пизы Никколо Макиавелли в его поэме «Десятилетия» [17] – о том, что в этот момент его «детище» могло считаться армией, победившей «...самого упорного врага» («fussi ostinata inimica») [17, р. 1071], – относительно справедливо. Однако не менее справедливо отметить, что осуществление успеха в финальной пизанской кампании не было бы возможно без принципиального отхода властями Флоренции от тактики, предложенной Макиавелли изначально [16, р. 423–426]. Продовольственная блокада (в сочетании с подкупом Франции и Испании) сыграли во взятии Флоренцией Пизы не меньшую роль, чем макиавеллевский талант военного стратега.

Подводя итог исследования, можно заключить: конфликт Флоренции с мятежной Пизой не мог не иметь для тосканской республики принципиального характера, и дело не только и не столько в неприятии самого факта мятежа. Пиза обеспечивала Флоренции хлеб и рыбу – именно те продукты продовольствия, которые составляли контрастный базис удовлетворения потребностей как для элиты, так и для широких масс флорентийского общества. Поэтому война Фло-

ренции за возврат Пизы была в полном смысле слова войной «за хлеб и рыбу»: политическое и продовольственное в данном случае были неотделимы друг от друга.

Литература

1. *Бонаккорсо Питти. Хроника* / пер. с ит. З.В. Гуковской под ред. М.А. Гуковского, статья-послесл. В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1972. 253 с.
2. *Де Коммин Ф. Мемуары* / пер. с франц. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с.
3. *Никколо Макиавелли. История Флоренции* / пер. с итал. Н.Я. Рыковой. Общая ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.
4. *Павлов К.В. Голод и чума в эпоху Итальянских войн: повседневное и политическое измерение (по сведениям флорентийских источников) // История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г.: Коллективная монография* / под ред. Д.П. Шульгиной, О.А. Огородниковой, А.А. Емельяновой. М.: Ярославль-Москва: Канцлер, 2024. С. 307–315.
5. *Франческо Гвиччардина. История Италии. В двух томах.* / пер. с итал. М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. Т.1. 744 с.
6. *Франческо Гвиччардина. История Флоренции* / Пер. с итал. Н.П. Подземской // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. С. 72–140.
7. *Bernardino Corio. Storia di Milano. Eseguita sull' edizione principe del 1503 / Con prefazione, vita e note del E. De Magri.* In 3 vol. Vol. 3. Milano: Francesco Colombo, 1857. 742 p.
8. *Black C. Early Modern Italy – A Social History.* Routledge: Taylor & Francis Group, 2001. 305 p.
9. *Del Badia I. Avvertimento per Diario Fiorentino dal 1450 al 1516 di Lucca Landucci // Diario Fiorentino dal 1450 al 1516 di Luca Landucci / con annotazioni da I. Del Badia.* Firenze: Sansoni, 1883. Pp. 5–15.
10. *Diario di Biagio Buonaccorsi, coadiutore al Magistrato de Dieci.* In Fiorenza: Appresso i Giunti, 1568. [Оцифровка рукописи] / Internet Archive: collection: European Libraries. URL: https://ia801207.us.archive.org/15/items/bub_gb_I4EmwmzGp0IC/bub_gb_I4EmwmzGp0IC.pdf (свободный доступ) (дата обращения: 30.06.2022).
11. *Faldi E. Quando si mangiavano le cicogne... Piaceri, fasti e fame nel Medioevo a Prato e in Toscana.* Lucca: Maria Pacini Fazzi Editore, 2013. 102 p.
12. *Fusaro M. Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean. The Decline of Venice and the Rise of England, 1450–1700.* Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 436 p.

13. *Goldthwaite R.A.* The Economy of Renaissance Florence. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009. 668 p.
14. *Herlihy D.* Pisa in The Early Renaissance. A Study of Urban Growth. New Haven: Yale University Press, 1958. 252 p.
15. *Najemy J.* A History of Florence, 1200–1575. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006. 529 p.
16. *Niccolò Machiavelli.* Discorso fatto al Magistrato dei Dieci sopra le cose di Pisa // Niccolò Machiavelli. Opere / A cura di M. Bonfantini. Milano – Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. Pp. 423–427.
17. *Niccolò Machiavelli.* I Decennali // Niccolò Machiavelli. Opere / A cura di M. Bonfantini. Milano – Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. Pp. 1047–1072.
18. *Ridolfi R.* The Life of Niccolò Machiavelli / Trans. by C. Grayson. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 364 p.
19. *Schevill F.* History of Florence from the founding of the city through the Renaissance. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1936. 536 p.

**«ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ»:
ПИЩА И ТРАДИЦИИ ТРАПЕЗЫ
В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Сборник научных статей по материалам
Всероссийской научной конференции
с международным участием

Подписано в печать 11.08.2025.
Формат 60x88/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Объем 24,62 п.л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС» 150062,
г. Ярославль, пр-д Дорохотова, 16-158
Тел. +7 (4852) 58-76-39, 58-76-33